

А. А. Абдуллаев

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

96

Исследование особенностей изучения внутренней миграции в политической науке предполагает переоценку теоретических положений о сущности этого социального феномена, представленных в рамках иных парадигм, и позволяет рассмотреть внутреннюю миграцию в качестве значимой общественной детерминанты. В ходе анализа некоторых теоретико-методологических подходов определены границы их применимости в изучении внутренних перемещений в политической науке. Специфика исследования внутренней миграции увязана с менявшимися представлениями о сущности этого феномена в рамках демографического, социологического, экономического и других производных от них подходов.

Studying the features of research by political science into internal migration requires a reassessment of theoretical ideas about the essence of this social phenomenon, which are offered by other paradigms. This way, it becomes possible to consider internal migration as a significant social determinant. In analysing theoretical and methodological approaches, I determine the scope of their applicability in political science. I conclude that the features of research into internal migration depend largely on changes in the perception of this phenomenon within the demographic, sociological, economic, and other related approaches.

Ключевые слова: внутренняя миграция, теоретико-методологические подходы, политическая наука, политическая социология, экономическая демография.

Keywords: internal migration, theoretical and methodological approaches, political science, political sociology, economic demography.

В условиях активизации нового витка протекционизма в международной политике фокус внимания закономерно смещается в сторону внутренних ресурсов, что отражается на росте исследовательского интереса к наиболее значимому из них.

Внутренняя миграция детерминирована не менее сложным набором факторов различной природы, нежели внешние перемещения.

Теоретико-методологическое изучение внутренней миграции в силу исторической специфики развития последней имеет богатый опыт. Достаточно вспомнить тот факт, что связанная с изучением миграции работа, начатая еще в XIX в. британским статистиком Э. Равенштейном, имела внутривосточной (опыт Великобритании и Канады) национальный характер. Другими словами, первый в истории опыт глубокого научного осмысления явления связан с изучением именно внутренней миграции [17, р. 36].

Большинство сформулированных Э. Равенштейном «законов миграции» наряду с акцентом на фактор расстояния обусловлено как экономическими причинами внутренней миграции, так и демографическими и социологическими особенностями индивидов и групп, мигрирующих в этом масштабе территориальных перемещений. Следовательно, уже на самых ранних стадиях изучения внутренней миграции присутствовало понимание сложной природы этого феномена, которое в последующем получило развитие в рамках так называемого структурного подхода [5, с. 97–101].

Данный подход требует включения в теоретическую схему изучения внутренней миграции не какой-то одной, пусть и значимой для ее функционирования, детерминанты (географии, демографии, экономики, социокультурных особенностей, политико-правового аспекта), а предполагает органическое совмещение некоторого набора теоретико-методологических схем, выработанных к настоящему моменту в рамках тех или иных дисциплин как естественнонаучного, так и социогуманитарного цикла.

Надо отметить, что на протяжении всего времени изучения внутренней миграции теоретический аппарат исследований постоянно подвергался изменениям. Проиллюстрировать эволюцию теоретических представлений о внутренней миграции можно на двух примерах. Так, в ставшей хрестоматийной статье Э. Равенштейна о законах миграции к внутренней миграции причисляется вид территориальных перемещений, который современная наука уже не рассматривает в качестве миграционного: случаи, когда «местный (локальный) мигрант меняет свое место жительства внутри города» [1, с. 37]. Вместе с тем теоретико-методологическая определенность, выработанная к настоящему моменту, подвергается размыванию под воздействием глобализационных процессов, в результате которых «миграция населения как внутри, так и поверх государственных границ» становится «элементом глобальной трудовой мобильности» [7, с. 21].

На наш взгляд, тенденция релятивизации политических границ в современном мире действительно существует. О ее долгосрочном характере свидетельствует постоянная либерализация трудового законодательства, постепенно выравнивающая права внутренних мигрантов с лицами без гражданства и иностранцами в этой и иных общественных сферах. Нередко она находит отражение в попытках полноценной институционализации данного тренда, что проявляется в желании некоторой части политического истеблишмента ряда государств отказаться от «государственного регулирования миграционных потоков путем введения таких экономических рычагов регуляции, как продажа въездных виз по самым высоким ценам всем желающим и могущим их купить» [12, с. 203].

Тем не менее наличие иногда существенных различий в правовых режимах пересечения границ и нахождения на территории тех или иных государств, а также отсутствие у иммигрантов возможности реализовывать специфические, доступные исключительно гражданам права сохраняют за внутренней миграцией субстанциональную определенность и самостоятельный статус.

Э. Равенштейн утверждал, что «большинство мигрантов, зафиксированных переписями на месте, в поисках работы сменили несколько мест жительства на пути из начального пункта» [1, с. 37]. Здесь примечателен не только акцент на экономической природе внутренней миграции, что в очередной раз подтверждает тезис о постоянстве исследовательского интереса к этой стороне изучаемого феномена, но и то, что уже на первоначальной стадии концептуализации феномена он рассматривался как цепь взаимосвязанных событий — как процесс.

В настоящее время под внутренней миграцией понимается прежде всего «внутригосударственная миграция — процесс перемещения населения внутри одной и той же страны» [9, с. 342]. Поэтому в большинстве литературы по демографии, социологии, экономике в качестве квалифицирующего признака указывается политический статус пересекаемых субъектом миграции границ.

Таким образом, внутренний мигрант — это гражданин того или иного государства, как правило владеющий государственным языком (языками), а также дополнительным набором этнических и иных культурно-исторических характеристик, определяющих устойчивость его связей с территориями перемещений. Однако, как будет показано далее, эти связи не избавляют внутренних мигрантов от препятствий в ходе реализации данного процесса.

На наш взгляд, наибольшее значение для продуктивного исследования внутренних перемещений имеет демографический, социологический и экономико-демографический подходы.

Демографический подход рассматривает внутреннюю миграцию как одну из функциональных компонент совокупного воспроизводства населения территорий страны, участвующих в миграционных перемещениях, с учетом таких характеристик, как рождаемость, смертность, брачность, разводимость. Также признается значимость обратного влияния внутренней миграции на воспроизводство населения на территориях, участвующих в перемещениях, когда для «отдельных регионов, стран и даже континентов ее роль в их демографическом развитии зачастую является ведущей» [4, с. 8]. Поэтому по мере расширения географии внутренних перемещений должно ослабевать влияние миграционного фактора на характер естественного воспроизводства на территориях донора и совокупного воспроизводства на территориях реципиента.

В силу того что внутренняя миграция функционирует на двух уровнях, демографический подход позволяет исследовать неравномерность оказываемого ею влияния на воспроизводство населения на территориях различного масштаба. Не случайно фактор расстояния стал центром исследовательского интереса многих миграциологов — Э. Равенштейна, Э. Ли.

В целом демографический подход представляет внутреннюю миграцию как результат изменений половозрастной структуры населения территорий, участвующих в процессе. Обратные же связи явления с воспроизводством населения «по мере повышения уровня жизни мигрантов выходили за пределы исследовательского интереса демографов» [10, с. 6–7].

Таким образом, демографический подход позволяет исследовать внутреннюю миграцию лишь частично, в отношении, безусловно, важного, но не единственного аспекта сущности феномена.

Как известно, территория есть место сосредоточения ресурсов и потенциала, тех или иных возможностей, посредством которых происходит удовлетворение жизненно важных индивидуально-личностных и социально-групповых потребностей [11, с. 29]. Поэтому расширению представлений о сущности внутренней миграции может способствовать *экономический подход*.

Еще Э. Равенштейн указывал на эту сферу как основной фактор внутренних перемещений [1]. Меркантилизм рассматривал феномен внутренней миграции как «источник процветания и мощи государства, в связи с этим приоритетным считалось привлечение иностранных рабочих (особенно ремесленников) при одновременном запрещении эмиграции собственных граждан» [14, с. 118].

Несмотря на международный контекст, теория демонстрирует формирование интереса к структурным аспектам изучения явления.

Неоклассическими экономическими теориями явление исследовалось с позиции издержек и выгод, которые ожидает получить мигрант при переезде на новую территорию. Представители этой парадигмы исходили из постулата о том, что «трудовые ресурсы... абсолютно взаимозаменяемы» [8, с. 126]. Подобный взгляд на исследуемый феномен носит сугубо утилитарный характер и неспособен объяснить структурного многообразия и сложной динамики внутренней миграции — ведь очевидны принципиальные отличия между временными переселенцами и мигрантами, желающими обосноваться на территориях-реципиентах на длительный срок. Поэтому в процессе исследования возникает необходимость в анализе не только количественных характеристик явления, но и причин, побудивших мигрантов к переселению на другие территории, а также набора возникающих при этом функций. На этом уровне данное явление изучается в рамках социологического подхода.

В качестве примера может выступить *теория ограничений* С. Стоффера. Согласно ей, расстояние и структура населения не выступают значимыми факторами миграционной динамики, роль которых выполняют так называемые вмешивающиеся обстоятельства, а «количество людей, перемещающихся на определенное расстояние, прямо пропорционально открывающемуся количеству перспектив и обратно пропорционально количеству вмешивающихся обстоятельств» [1, с. 38]. Набор отраженных в этой теории ограничений для внутренних перемещений может быть представлен двумя группами факторов:

1) материальные:

- экономические,
- политико-правовые (институциональные);

2) нематериальные:

- информационная полнота / дефицит сведений об условиях проживания на территории-реципиенте,
- отношение местного населения (негативное, позитивное, нейтральное).

Со времени формулирования теории С. Стоффера некоторые факторы утратили актуальность. Другие, наоборот, укрепили свое положение в качестве значимых факторов динамики внутренней миграции, третьи сохранили прежнее влияние на процесс. Так, политико-правовые основания внутренней миграции, всегда выступавшие основополагающими критериями ее квалификации, в настоящий момент под влиянием процессов глобализации подвергаются размыванию [7]. Вместе с тем в силу беспрецедентной массовости и доступности средств связи аудиовизуальной и иной природы обеспеченность информацией об условиях проживания на территориях-реципиентах стремится стать практически абсолютной. Наибольшее распространение сегодня получают исследования, связанные с социальной (межэтнической) конфликтогенностью, возникающей в процессе взаимодействия мигрантов и местных [3].

Модель Дж. К. Зинфа делает упор на факторе расстояния внутренних перемещений. Миграционный процесс в этом случае обусловлен «принципом наименьших усилий или наименьшего сопротивления» [1, с. 38]. В соответствии с данной моделью «величина миграционного потока из одного города в другой зависит от расстояния между городами, поскольку потраченные денежные средства, приложенные усилия и испытанные трудности увеличиваются с расстоянием» [Там же]. Естественно, что эта зависимость «работает» при соблюдении конкретного требования («при прочих равных условиях»). Однако в случае если перемещение на дальнее расстояние обеспечит удовлетворение значимых для мигранта потребностей и целей, то фактор дальности будет скомпенсирован полученными в ходе миграции приобретениями.

Экономический фактор внутренней миграции, несомненно, является ведущим в мотивационной структуре мигранта. Согласно вышеуказанным теориям, он должен приводить в движение наиболее нуждающиеся в удовлетворении базовых потребностей страты, поскольку «сущность миграции населения кроется в его стремлении удовлетворить свои естественные (базовые) потребности» [5, с. 98]. Однако в силу того, что в схемы не включался такой параметр, как «ловушка бедности», социальная структура миграции представляла в выводах исследователей в искаженном виде. Адекватный взгляд на проблему начал формироваться, когда миграционная активность населения стала увязываться с его положением в социальной иерархии и пришло понимание того, что «состоятельные в материальном плане люди способны к более быстрой миграции и адаптации на новом месте» [Там же].

Данная зависимость может быть отнесена к категории имеющих универсальный характер, так как подавляющее большинство экономических систем в мире в той или иной степени воспроизводят социальное неравенство.

Необходимо согласиться с Т.Н. Юдиной, выделившей ряд оснований для критики одной из теорий, представляющих парадигму, — теории «притяжения-выталкивания». Один из ее аргументов гласит: «отсутствует объяснение того, почему основные потоки миграции направлены в сторону наиболее плотных населенных областей, хотя рацио-

нально и логично было бы предположить обратное направление» (цит. по: [12, с. 204]). На наш взгляд, «плотно населенные области» могут не только быть результатом высокой демографической нагрузки, но и объясняться фактом их экономической привлекательности. Удовлетворение же иных потребностей, входящих в противоречие с главными, вынуждает делать рациональный выбор в пользу реализации более значимых из них.

Социологический подход обладает большим набором методологических средств, так как в его исследовательское поле входят не только социально-демографическая структура мигрирующего населения и их экономические интересы, но и более сложные и разнообразные детерминанты и функции их поведения.

Однако «социологи в исследовании миграционного процесса отталкиваются не столько от собственной общей исследовательской парадигмы, сколько от различных фрагментированных методологических подходов конкурирующих теорий и разных точек зрения» (цит. по: [12, с. 202]). Это отражается в неполноте «открытых» в рамках этой парадигмы зависимостей. Даже наиболее проработанная в отношении исследования миграционного поведения теория «притяжения-выталкивания» Э.С. Ли неспособна объяснить, почему одни факторы, «являясь небольшой помехой для одних мигрантов... могут быть непреодолимыми препятствиями для других» [1, с. 39].

Поэтому возникает необходимость в постоянном пополнении теоретического арсенала миграционных исследований. Примером такого обогащения может служить обращение к этнокультурному подходу. Р. Редфилд [6; 16] и его последователи, исследуя адаптацию сельских мигрантов к городской среде, утверждали, что на этой стадии миграционного процесса действует определенная совокупность факторов, которая не ограничена рациональным набором (Парк, Бёрджесс и Маккензи) и не ведет к абсолютной ассимиляции мигрантов в новой среде.

Еще одним значимым средством изучения внутренней миграции с точки зрения оказываемых ею воздействий представляется структурный функционализм. Он рассматривает изучаемое явление как результирующую социально значимых следствий в сочетании с его дисфункциями в форме «структурно расчлененной целостности, в которой каждый элемент имеет свое функциональное значение» [13, с. 296].

Методологическая неполнота социологического подхода может быть преодолена в рамках дисциплины, находящейся на стыке демографии, социологии и экономики миграции, — *экономической демографии* [2]. Она исходит из постулата о том, что одни работники оказываются более производительными, чем другие, и объясняет это тем, что первые обладают более крепким здоровьем, высоким образованием или квалификацией, которые рассматриваются как компоненты структуры человеческого капитала [15].

С позиции экономической демографии внутренняя миграция может рассматриваться как фактор развития, в случае если потоки, циркулирующие между территориями миграционных обменов, подвергаются ряду воздействий как стимулирующего, так и ограничивающего характера.

Многочисленность и одномерность методологических средств, используемых в ходе изучения внутренней миграции, вынуждает политическую науку привлекать дополнительные ресурсы из смежных дисциплин, что, несомненно, расширяет возможности исследовать это явление как систему, на различных уровнях детализации его структур.

К тому же внутренняя миграция относительно недавно попала в поле зрения отечественной политической науки, что отразилось на текущем состоянии теоретико-методологического аппарата изучения явления, в формировании парадигмального ядра новой для нее дисциплины — политической миграциологии.

На сегодняшний день ведется поиск более эффективных средств изучения внутренней миграции, вырабатываются теоретические положения, объясняющие характер и последствия ее влияния на деятельность политических институтов, формы и способы коммуникации власти и общества, отстаивания интересов политических акторов и т.д.

Проведенный обзор может свидетельствовать о продуктивности синтетического подхода, необходимости включения в методологический арсенал всего спектра рассмотренных выше подходов.

Список литературы

1. *Василенко П.В.* Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. 2013. №16. С. 36–42.
2. *Вишневский А.Г.* Избранные демографические труды : в 2 т. Т. 2 : Экономическая демография. Анализ демографических процессов М., 2005.
3. *Ефимов Ю.Г.* Миграция в современном политическом процессе : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ставрополь, 2007.
4. *Квашиа А.Я.* Современная демография. М., 1995.
5. *Коробов А.А.* Структурно-генетический подход к анализу миграции населения // Вестник Саратовского социально-экономического университета 2003. №6. С. 97–101.
6. *Корякин К.В.* История изучения миграции в социологии и этнологии, проблем социальной адаптации и интеграции иммигрантов // Иммиграция из России и в Россию. URL: <http://www.migracio.ru/istoriya-izucheniya.html> (дата обращения: 17.03.2019).
7. *Малахов В.С.* Интеграция мигрантов: концепции и практики. М., 2015.
8. *Метелев И.С.* Миграция, цивилизация, адаптация (концептуальная связь понятий). Омск, 2012.
9. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения // Социальная политика : энциклопедический словарь / под общ. ред. Н.А. Волгина. М., 2003.
10. *Саградов А.А.* Экономическая демография. М., 2010.
11. *Терещенко Ж.А.* Факторы миграционных процессов в современной России // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. №1–2. С. 28–30.
12. *Хот З.З.* Методологические подходы к изучению миграционных процессов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. №4. С. 201–206.
13. *Сердюков К.Н.* Основные парадигмы социологического подхода к исследованию миграционных процессов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 295–299.
14. *Юдина Т.Н.* Социология миграции. М., 2006.

15. Huff R. Human capital. URL: <https://www.britannica.com/topic/human-capital> (дата обращения: 04.03.2019).

16. Redfield R. American anthropologist // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Robert-Redfield> (дата обращения: 04.03.2019).

17. Vullnetari J. Albania on the Move. Links between Internal and International Migration. Amsterdam, 2012. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt6wp6gk.7> (дата обращения: 24.02.2019).

Об авторе

Абдуллаев Абас Абдулахович — соискатель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: abas82@yandex.ru

103

The author

Abas A. Abdullaev, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: abas82@yandex.ru